

А. М. ГОРЬКИЙ:—Прошло всего двадцать лет, а сколько прекрасных страниц вписано в эту книгу!

К Р О К О Д И Л

ПРОШУ СЛОВА!

ПРОЕКТ РЕЧИ КРОКОДИЛА НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие товарищи!
Собратья по перу!

Позвольте от всего крокодильского сердца передать вам горячий привет и пожелать успеха в работе на самом съезде и особенно после съезда. К этому пожеланию, я уверен, присоединятся мои сатирические соратники: украинский «Перець», белорусский «Вожык», азербайджанский «Кирпи», узбекский «Муштум», армянский «Возни», грузинский «Нианги», таджикский «Хорпуштак», туркменский «Токмак», татарский «Чаян», бесчисленные печатные и стенные «крокодилы» в городе и на селе, все наши многомиллионные читатели.

С радостью я отмечаю, что на съезде нет места пустому славословию, излишним аплодисментам и сверхбурным овациям. Делегаты Второго съезда, видимо, учли замечание Алексея Максимовича Горького: — Если сосчитать всё время, которое тратится на аплодисменты, то получится страшно много времени.

Будем же беречь наше время, друзья, и перейдём к делу. Мне не терпится сказать несколько слов в защиту одного из положительных героев нашей литературы.

Товарищи! Николай Васильевич Гоголь высоко ценил этого героя и очень огорчился, когда его не замечали. Николай Васильевич как-то писал:

«Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение её. Это честное, благородное лицо был — смех».

Замечание Николая Васильевича можно отнести только за счёт его скромности. Честное и благородное лицо не только заметили, но его полюбили тысячи и миллионы людей, и любовь эта передавалась из поколения в поколение, и живёт она в наши дни и будет жить вечно!

Разящий, грозный, гневный, задорный, весёлый смех всегда был положительным героем нашей литературы.

Александр Сергеевич Пушкин не гнушался ни сатирой, ни юмором. Немало великодушных сатирических страниц мы найдём у Льва Николаевича Толстого, Ивана Александровича Гончарова, Алексея Максимовича Горького. Шолохов и Твардовский создали замечательные образы деда Щукаря и Василия Тёркина. Иными словами, мы хотим сказать, что сатира и юмор никогда не были монополией сатириков.

Наш народ любит весёлую книгу. С хорошей завистью читаем мы письмо Гоголя о том, как смеялись наборщики, набирая «Вечера на хуторе близ Диканьки». Жаль, что многие из вас лишают наборщиков такого удовольствия!

А. М. Горький как-то заметил, что «стихи у нас пишутся километрами». Можно пройти по современным стихотворным нивам многие десятки километров, порядком устать и ни разу не улыбнуться. Можно заблудиться в многовёрстных романах, так и не заметив нигде весёлого огонька. Как редко забредает смех в концертные и театральные залы! Больше того, порою вы не услышите смеха и там, где ему положено быть по штату! В чём же дело, дорогие товарищи? Разве мы находимся, как писал Салтыков-Щедрин, в положении Ювенала, «задавшегося темою «бичевать» и недоумевающего, что ему бичевать, задавшегося темою «приветствовать» и недоумевающего, что ему приветствовать!»

Мы отлично знаем, что именно нам бичевать и что, собственно, приветствовать!

Пусть же испытают на себе всю силу сатирического бича носители пережитков прошлого — современные полпадуры, хлестаковы, обломовы, маниловы, молчалины, беликовы! Пусть испытают мощь наших обличительных ударов зарубежные угрюм-бурчеевы и мальбруки, которые исподволь готовят новую бойню. Да, нам есть что бичевать!

Но не слишком ли тихо, не слишком ли робко мы призываем к себе на помощь музу пламенной сатиры? Вспомним, как взывал к ней Александр Сергеевич Пушкин:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!

Тот самый прозный бич достает, по выражению поэта, даже туда, куда не достаёт и меч закона. Как умели пользоваться этим оружием Демьян Бедный и Владимир Маяковский! Когда они смеялись, мороз подирал по коже наших врагов.

Так разрешите пожелать вам, дорогие друзья, чтобы смех был постоянным персонажем ваших романов, поэм, стихов, повестей, басен и даже юмористических рассказов. Будем всегда помнить замечательные слова Владимира Владимировича Маяковского:

Товарищи,
во-всю
из глоток из всех, —
да так, чтоб врагам
аж смяться,
сегодня
раструбливайте
радостный смех.
Нам
есть над чем посмеяться!

¹ К сожалению, зачастую мы лишены этого удовольствия и набирая Крокодил (примечание наборщика).

КУКРЫНИКСЫ-54

В. Г. БЕЛИНСКИЙ: — По устному у вас хорошо, теперь покажите ваши сочинения!

ПИСЬМО К ДРУГУ

«Дорогой Николка! Твоё письмо, которое ты мне послал на адрес Союза писателей, меня в Москве не застало. Его переслали сюда, в Казахстан, в совхоз «Передовик», где я сижу уже второй месяц и собираю материал для повести.

Всё мне здесь, друг ты мой, нравится: и радостные зори, и потрясающей силы закаты, и рыжие степные лисицы с огненными хвостами. А люди! Какие здесь люди интересные, Николка! Тут, брат, такие встречаются и «положительные» и «отрицательные», что стыдно становится за нас, литераторов: почему так робко, так бледно описываем мы их богатую событиями жизнь.

Ну, о людях Казахстана, о закатах, о зорях, о лисицах ты прочтёшь в моей новой повести, которую — жив не буду! — напишу в полный разворот своих сил. А сейчас о другом.

Ты спрашиваешь меня в своём письме, почему я молчу последнее время и почему обо мне молчат.

«Примите ж исповедь мою: себя на суд Вам отдаю!»

Ты, правда, далеко не Татьяна Ларина, и я не Онегин, но мы с тобой друзья кровные, нас подружило студенческое общежитие, незабываемые годы «юности мятежной», а потому наберись терпения и прочти до конца эту маленькую автобиографическую новеллу, скорее печальную, чем смешную, но, во всяком случае, поучительную. Новеллу эту можно было бы назвать «Падение кумира».

Итак, в один московский прекрасный, как говорится, день меня стали «поднимать».

Как сейчас помню ночной телефонный звонок ко мне Сени Тольского (есть у нас такой литературный человек), его возбуждённый до хрипоты голос (я слышал, как он буквально брызгал слюной в трубку), его бессвязные, отрывистые, полусумасшедшие слова:

— Старик, ты спишь... не знаешь... тебя поднимают!

— Куда... поднимают?!

— Завтра прочтёшь уже завёрстана если не слетит считай что держишь бога за бороду спи целую!

И всё это залпом.

Само собой разумеется, я не спал до утра. «Травы весенние» — моя первая повесть. Ты её читал и знаешь, что вещь эта слабоватая по композиции, во многом сырая, и хотя «запах жизни» есть в ней, но ведь литература не производство парфюмерии. За один запах не стоило бы, пожалуй, меня «поднимать». Может быть, соврал Тольский? — думал я. Но, с другой стороны, зачем ему врать? Да ещё ночью, по телефону? Притом человек он осведомлённый, причастный, вертится у подножия нашего литературного Олимпа, всё видит и всё знает. Когда-то давно написал он несколько рассказов (тоже с «запахом»), его «подняли» и, «подняв», забыли про него, потому что этими рассказами С. Тольский (так он подписывался) исчерпал себя, как говорится, целиком и полностью и... потух, словно спичка на сильном ветру. Оказавшись на высоте в беспомощном состоянии, бедный Сеня заскучал, стал звать о помощи и сучить ногами. Тогда его совсем не сердобольно опустили вниз со скоростью недозволенной и не очень приличной. Другой, совершив подобный спуск, попал бы в больницу, а Сеня брякнулся —

и ничего, только отряхнулся. Ей богу, я уважаю его за эту цепкость! Конечно, он понял, что писателя из него не вышло и никогда не выйдет, но другой профессии у него не было, учиться Сеня не любил никогда, и поэтому он нырнул в пучину так называемой «общественной жизни» нашего Союза писателей. Николка, милый, пойми меня правильно: я не против того, чтобы писатель занимался общественной работой. Советский писатель не может не быть общественным деятелем, это аксиома. Но... разная бывает общественная деятельность. Чехов строил земские школы, участвовал в переписи, боролся с холерой, ездил на Сахалин — и это была настоящая — дай бог! — общественная работа писателя, она ставила перед его писательской совестью, перед его писательским разумом жгучие вопросы жизни, помогала ему глубже познать эту жизнь, связывала его с жизнью народа.

Писатель должен заниматься и общественно-литературной деятельностью, конечно. Я за то, чтобы писатели собирались вместе, за то, чтобы они спорили до утра, обсуждая новый роман или поэму, чтобы копы с треском ломались на настоящих творческих дискуссиях. Я за то, чтобы опытные, старые мастера помогли молодым, учили их. Ты скажешь: «А разве ваш Союз этим не занимается? Наш Союз этим занимается, Николка. Есть у нас и подлинные общественники, они на виду, нет нужды называть тебе их имена. Но наряду с творческой общественно-литературной деятельностью писателя существует... «коловоращение» — это «работа» на холостом ходу. Никакого отношения к кипучей, содержательной общественно-политической жизни страны оно не имеет. Больше того, вся эта мышьяная суетня, все эти бесконечные заседания как будто нарочно придуманы для того, чтобы держать писателя подальше от жизни! «Служенье муз не терпит суеты». Да где уж там служить музам, когда просто-напросто на это служенье не хватает времени! Ведь процесс литературного труда заключается не только в сидении за письменным столом — надо ещё и обдумать то, что ты потом запишешь. А обдумывать некогда: надо засесть!

Мы привыкли к такой нелепости, когда видный писатель, руководитель берёт «творческий отпуск», чтобы написать роман, повесть, поэму. Ты только вдумайся в эту чушь: писатель берёт отпуск, чтобы писать! Ведь это всё равно, как если бы талантливый архитектор брал бюллетень, чтобы, освободившись по «болезни» от груза, под шумок построить домик; всё равно, как если бы художник писал свои картины только по воскресеньям, когда нет заседаний!

Но для таких, как Сеня Тольский, писательская «суета сует» — великолепный «выход из положения».

Сенечка наш стал «мелькать» на заседаниях в доме на улице Воровского, превратился очень скоро в «своего человека», занял положение, получил какую-то должность, дающую возможность безбедного существования, стал разъезжать по командировкам — творческим (преимущественно в цитрусовые районы страны) и на обследование отделений Союза (преимущественно в те же районы), писал отзывы и внутренние рецензии, — короче говоря, «коловоращался». Налился жирком, погрузнел.

Обнаглел до того, что, встречая в коридоре писателя, предпочитающего писать, а не «коловоращаться», журил его своим жирным и уже бесстыдным баском:

— Отваливаешь, брат, не хочешь работать! А мы за тебя должны тут надрывать-ся. Нехорошо, брат!

Опять-таки пойми меня правильно: я все не хочу «порочить», «бросать тень» и — как там ещё? — на работников аппарата: аппарат нужен каждой творческой организации. Но нам нужны именно работники, а не маленькие бюрократические «калифы на час». Они-то и стоят обычно у руля «коловоращения», действуя по принципу «кто палку взял — тот и капрал». С напыщенной надменностью покрикивают они на писателей, не имеющих, с их точки зрения, «коловоращательного» веса. (Если бы знали эти «калифы на одну минуточку», как смешна их напыщенность!)

Однако я слышу твой сердитый голос, Николка: «Ты о себе скажи!»

Я действительно отвлекся, извини.

Итак, я не спал всю ночь, а утром набросился на газеты, как голодный тигр на жертву. Сеня не соврал: развернув газетный лист, я сразу увидел «подвал» о моих «Травах». Первое ощущение моё, когда я прочитал статью о себе, было ощущение неловкости. Мне ещё и тогда (а теперь в особенности!) было ясно, что повесть моя далека от совершенства, а в статье о ней было написано так, как будто я сочинил нечто монументально-эпохальное.

Прочитал я статью второй раз, и — о слабость человеческая! — ощущение неловкости прошло. После третьей читки я целиком согласился с критиком и тоже признал «Травы весенние» произведением монументально-эпохальным!

В тот же день заглянул в Союз. В коридоре на меня с поцелуями и объятиями набросился Сеня Тольский, а наш очередной аппаратный «калиф» шаркнул передо мной ножкой — всё шло как по писаному. Меня уже «поднимали», а я, дурак, не кричал в ужасе: «Братцы! Что вы делаете с человеком?! Помогите!» — а улыбался и сиял. Увы, мне это всё нравилось!.. Короче говоря, не успел я оглянуться, как стал «кумиром».

«Травы весенние» издавались и переиздавались. Поплыли ко мне деньги, и не малые. Купил я себе для солидности трубку, стал посидывать в ресторанах с новыми приятелями, вещая, словно пифия, всякие благоглупости на литературные темы. Даже роман закрутил — нечистый, ненужный! — с одной из тех околослитературных дам, что сидят на берегу литературного моря и ждут, когда на поверхность его вынырнет очередная «знаменитость».

Конечно, меня выбрали в бюро секции, потом в одну комиссию, потом в другую, и... пошёл я «коловоращаться»! Должен тебе сказать откровенно, Николка, что вначале меня захватило всё это. Почти ежедневные заседания и совещания, обсуждения и дискуссии производят впечатление на свежего человека. В особенности, когда этого свежего человека непрерывно хвалят на этих заседаниях и совещаниях. Впрочем, был случай... Однажды встретил меня в Союзе старый, хороший писатель, взял за локоть, отвёл в сторону и сказал:

— Вы мне нравитесь, молодой человек! И в повести вашей есть хорошие куски. Но... не увлекайтесь, в целом повесть ваша сыровата. Не слушайте вы этих алилуйщиков!

Помню, что я очень расстроился. И обиделся на него смертельно. Но всё же трезвый этот голос заставил меня настроиться. Но тут подскочил ко мне Тольский и спросил, о чём со мной говорил старик. Я сказал. Тольский презрительно фыркнул:

— Он тебе, брат, просто завидует, старый чёрт!

Вечером в ресторане я много и глупо

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

острил на тему о завистливой писательской печёнке.

Короче говоря, я втянулся в нашу «колорачательную» машину и постепенно, незаметно для себя, изменился и внешне и внутренне. Разговаривать с людьми стал каким-то противным, снисходительно-томным голосом, на физиономии моей появилось выражение усталости и величественной скуки. Мне не казалось странным и непристойным, что я, — в сущности, новичок в литературе! — учу писать зрелых литераторов, рукописи которых стали присылать ко мне на отзыв; мне понравилось произносить вступительные речи на литературных вечерах, речи, построенные по старому, испытанному рецепту: «взгляд и нечто», — и выступать на читательских конференциях с заранее заготовленными остроумиями. Так продолжалось около двух лет. Всё это время я ничего не писал, кроме газетных статей. Нового, живого, жизненного материала у меня не было, а профессиональной способностью писать обо всём, не зная, по сути дела, ничего, я не обладал. И вот, Николка, я затосковал! Затосковал зверски, мучительно. С удручающей ясностью понял я, что два года моей писательской жизни вылетели в трубу, что из десяти наших заседаний и совещаний восемь бесплодны и не нужны. И ещё я понял, с той же удручающей ясностью, что погибну как писатель, если не бегу.

Хвалить меня на совещаниях и заседаниях стали реже, в нашей клубной стенгазете замелькали «дружеские шаржи», на которых я, измороженный по-дружески до полной обезьяноподобности, изобличался в зловредном молчании. Меня в общем ожидала участь бедного Сени Тольского. Но я-то знал, что если меня «брякнут» с высоты, я не выдержу: не тот организм!

А доконал меня опять-таки Сеня Тольский. Однажды в том же коридоре дома на улице Воровского он налетел на меня и вдруг стал пушить:

— Ты что же это, брат, не ходишь на дискуссию о «Кочках» Сударина! Отваливайшь, брат! А мы за тебя должны надрываться? Нехорошо, брат!

Вспылив, я сказал, что я ему не брат, и послал его ко всем чертям. Вечером я подсчитал свои ресурсы и выяснил, что денег у меня хватит. Творческую командировку решил не просить, чтобы «колорачательная» машина не удержала меня в последнюю минуту за штаны, утром собрал свой старый, ещё студенческий чемоданишко, выбросил в форточку осточертевшую трубку, купил билет, вечером сел в поезд и, ничего никому не сказав, уехал в Казахстан. Уже осев в совхозе, послал в Союз письмо, в котором, как умел, объяснил свой поступок (кстати, я никакой штатной должности в Союзе не занимал) и сообщил свой новый адрес.

Николка, я счастлив сейчас! Я жадно дышу воздухом странствий, хожу по незнакомой земле — живу полной творческой жизнью, хотя и не сижу за письменным столом. (За стол сяду позже.) И даже общественной работой занимаюсь: организовал в совхозе шикарную стенгазету. Писатель — всегда путник. Пока я ещё молод и здоров, хочу побродить по жизни вдоволь. Вот тебе и вся моя исповедь. Вижу я сейчас твои умные, добрые глаза и знаю, что ты поймёшь меня и не очень строго осудишь за этот побег в жизнь. Отвечай скорей!

Обнимаю тебя.

Твой Сергей.

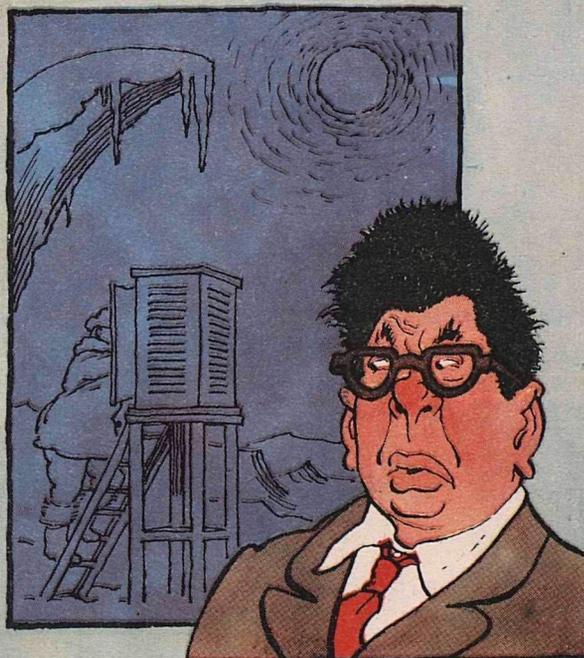
PS. А что касается «поднимания», то пусть нас, писателей, поднимает читатель. Это самый строгий, самый доброжелательный, самый умный и самый образованный критик. Ему и книги в руки. Наши книги. Ему и первое слово».

Писать роман о шахтёрах — нужно слишком глубоко спускаться...

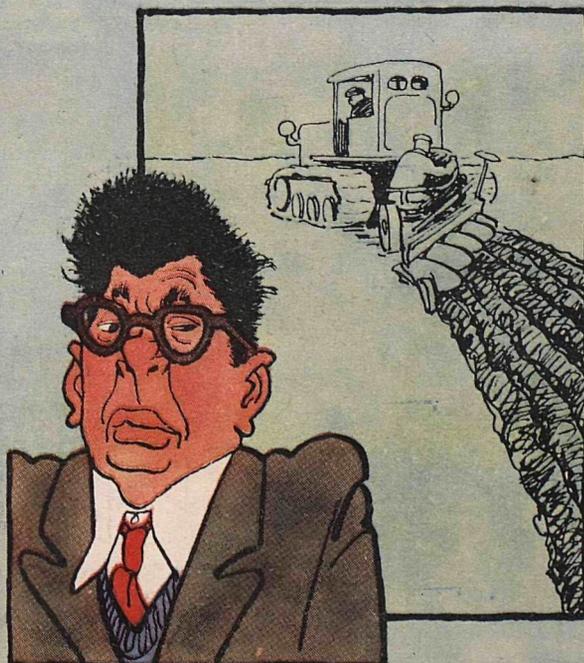
...о строителях — очень высоко подниматься...

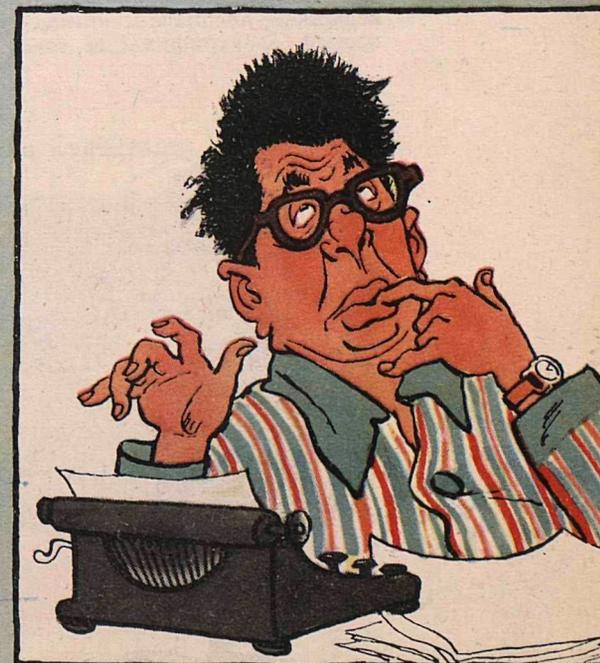
...поехать к полярникам — холодно...

...к металлургам — жарко...

...на целинные земли — очень далеко...

...и он поехал — к себе на дачу (это было близко) и начал писать роман о шахтёрах, высотниках, полярниках, металлургах, трактористах...

« ЧЕРЕЗ КОЧКИ—СКОК ДА СКОК... »

На цементном пяточке обычного московского двора мы познакомились с одним не слишком опрятным, не слишком благонаправленным мальчиком, которого назовём условно Вовой. В момент нашего знакомства Вова подпрыгивал на одной ноге и распевал песенку-самоделку:

Я хочу, чтоб наперёд
Было всё наоборот,
Шиворот-навыворот,
Выворот-нашиворот.

Мы осведомились у исполнителя, что означает эта песенка? Вова объяснил. Оказывается, он мечтает о том, чтобы взрослые хотя бы на один день стали детьми, а дети — взрослыми. Вот тогда бы он поговорил со своими воспитателями.

О эти взрослые! Стоит Вове чуть-чуть поленившись, небрежно вымыть шею или совершить другой незначительный проступок, как на бедную его мальчишескую голову обрушиваются упреки, нравоучения и административно-педагогические взыскания. Справедливо ли это? Разве взрослые безупречны? Как бы не так! Он может кое-что порассказать о них.

Беседа с Вовой взволновала наше воображение. Мы представили себе, что произойдёт, если в действительности станет

...всё наоборот,
Шиворот-навыворот,
Выворот-нашиворот.

Словом, возникла бы ситуация, описанная в одном из рассказов Аверченко.

Судя по всему, Вова предъявил бы ряд требований не только родителям, педагогам, но и писателям, критикам и издателям.

РАЗГОВОР С ПИСАТЕЛЕМ

Вот, скажем, вызывает Вова к себе ленинградского писателя С. Погореловского.

— Зачем вы, товарищ Погореловский, обижаете маленьких?

— Кто? Я? Нет, вы что-то пугаете! Я написал для ребят книжки «Урожай», «Кораблик», «Мы сами», «Первомай», «Добро пожаловать» и много других. Иной малыш ещё не стоит твёрдо на ножках, а уже в моих читателях ходит. Питаются, так сказать, моей высококалорийной художественной продукцией...

— Художественной ли? Вот в вашей книжечке «Кораблик» 32 страницы, а вы рассказываете в ней дошколятам о весне, самодельных корабликах, тракторной вспашке, лесонасаждениях, переселении зверей, электрификации села, лесосплаве,

помощи демократическим странам, гонке вооружений и многом другом.

— А что, разве нельзя?

— Нельзя валить всё в кучу! Материал надо отбирать. Добиваться композиционной стройности. Словом, работать нужно!

— Позвольте! По-вашему, я не работаю?

— К сожалению, нет! Бьёте, простите за резкость, лирические бакуши. Детей учите быть прилежными, а сами рифму лентесь поискать!

— Против этого я категорически возражаю! Чем, скажем, плохи такие строчки:

«Ты журчи,
вода живая,
Наш кораблик колыхай,
Через кочки — скок да скок —
Мчись полями, ручеёк!»?

— Что же в них хорошего? Ручей прыгает через кочки, как заяц.

— Виноват, дяденька Вова!.. Простите, больше не буду!

— То-то! Следующий!

РАЗГОВОР С КРИТИКОМ

— А-а, критик Полозова, садитесь! У меня к вам есть один вопрос: обязан ли критик читать произведения, которые он критикует?

— Разумеется! Я хоть сейчас, дядя Вова, маленькая, но отлично понимаю это. Помню, когда я была большой, меня возмущал однажды журнал «Начальная школа». В статье «Ждём пьес для детей» (№ 10, 1954 год) похвалили Я. Тайца за рассказ «Отцовская куртка». А этот рассказ

написан вовсе не Тайцем, а Осеевой. Анекдот!

— Который повторился дважды.

— Почему дважды?

— В том же номере «Начальной школы» вы писали: «У нас немало есть книг («Родник» Я. Тайца, «Они стали пионерами» И. Карнаухова, «В нашем классе» И. Дика и некоторые другие), авторы которых не смогли создать живого образа пионервожатого...» Так вот, Карнаухова не писала книгу «Они стали пионерами»!

— Бросьте меня разыгрывать!

— Честное слово! Её написала Котовщикова!

— Вот так номер! Выходит, я обругала Карнаухова за ненаписанную книгу. Непривлекательно получилось. Как хорошо, что я стала маленькой!..

— Да, неплохо. Это позволит срочно засадить вас за парту. Подучитесь русскому языку...

— Вы смеётесь! Я сама поучала известнейших писателей, и вдруг...

— Да, но как поучали: «Пионерка Таня на протяжении целого года не может выйти из состояния задумчивости, повышенной, несомлимой с её возрастом страстью к продолжительному гипертрофированию переживаний»!

Или: «Верно, что необходима романтика, но глубоко ошибочно положение, что ложная романтика лучше, чем без неё». Теперь вы, надеюсь, поняли, что с грамотой лучше, чем без неё?

— Поняла... Я подучусь.

— Ну и отлично. Следующий!

РАЗГОВОР С ИЗДАТЕЛЕМ

— А вы откуда, дитя?

— Я, дяденька, из Детгиза.

— Очень приятно! Садитесь! Скажите, почему вы маленьких обижаете? Почему не прислушиваетесь к голосу общественности, к печати?

— Простите, о чём, собственно, речь?

— Сколько раз вас просили давать к книгам небольшие предисловия, чтобы ребята могли почерпнуть краткие сведения об авторах? Крокодил ещё в 1952 году писал об этом.

— Что вы говорите?! Не помню. Свои книги не успеваю толком прочесть, не то что Крокодил!

— Вы бы хоть ребятские письма читали! Послушайте, что они пишут:

«Здравствуй, великий поэт Альфред Эдмунд Брэм! Я очень благодарю вас за книгу. Я прочитал её и узнал, какие есть на земле звери. Книга мне очень понравилась. До свидания. Целую вас крепко-крепко. Привет от всех учеников.

Федя Ветков, Табунский район, Алтайский край».

«Поэту А. Конан-Дойлю.

Много я прочитал книг очень хороших, но лучше книги «Затерянный мир» не нашёл. И вот мне захотелось прописать о ней вам. Благодарю вас за то, что вы написали, и за то, что она даже сюда попала, что мне пришлось прочитать её. Дорогой наш поэт!

Привет вам большой. Пожалуйста, пришлите ваши книги.

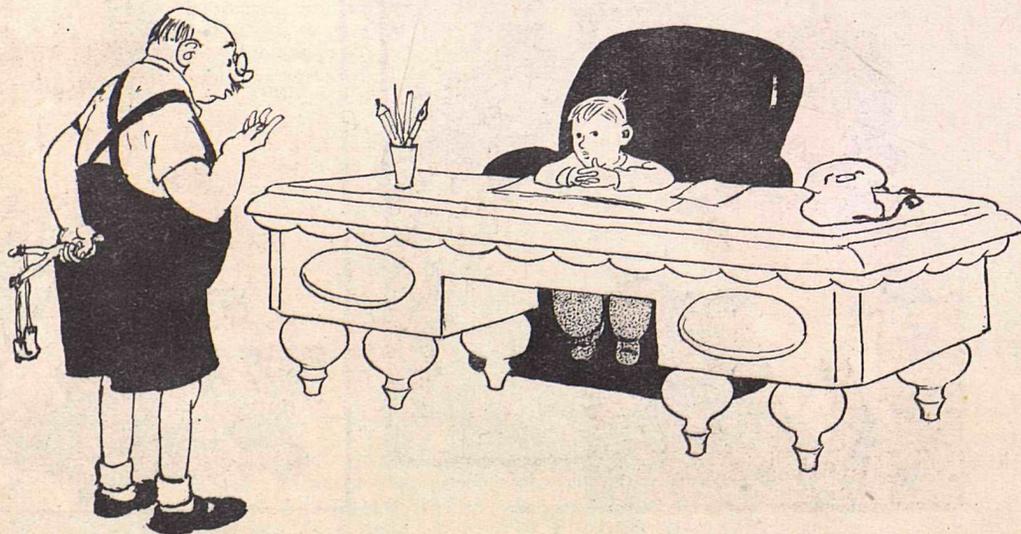
Дьяков Павел, ст. Калыда, с. Вознесновка, Киргизия».

— Ну, что вы скажете?

— Что я могу сказать! Я теперь человек маленький. А вот когда я вырасту и снова стану издательским работником, обязательно учту... это...

...Ребячий голос вернул нас к действительности. Это был голос Вовы, который подпрыгивал на одной ноге, распевая нехитрую свою песенку-самоделку.

С. ПУШКОВ

КРИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ

ЛИТПЕРСОНА

Нет, он не член секретарьята,
Он лишь работник аппарата.

Но так он держится обычно
И так собою упоён,
Как будто написал он лично
«Войну и мир» и «Тихий Дон».

ПО-НОВОМУ...

За бесконфликтную теорию
Попал он некогда в историю,

Теперь, чтоб вытравить в романе
Все бесконфликтности следы,
Он бурю описал... в стакане
Дистиллированной воды.

В ЧАСЫ ПРИЁМА

Не он виновник
Наших бед.
Он не чиновник,
Он поэт.
В его возвышенной натуре
Бюрократизма не найти:
Он всей душой — в литературе...
По четвергам, с двух до пяти.

ОСТОРОЖНЫЙ

Чтоб избежать раздора, он обычно
Всех критикует мягко и тактично.

В боях литературных закалён,
Он резких выражений избегает,
Ругает так, как будто хвалит он,
А хвалит так, как будто бы ругает.

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Нельзя сказать, чтоб был неповторим
Он между первым съездом и вторым.

Свой творческий не нарушая план
И, главное, не утомляя лиру,
Он десять раз переиздал роман
И восемь раз переменял квартиру.

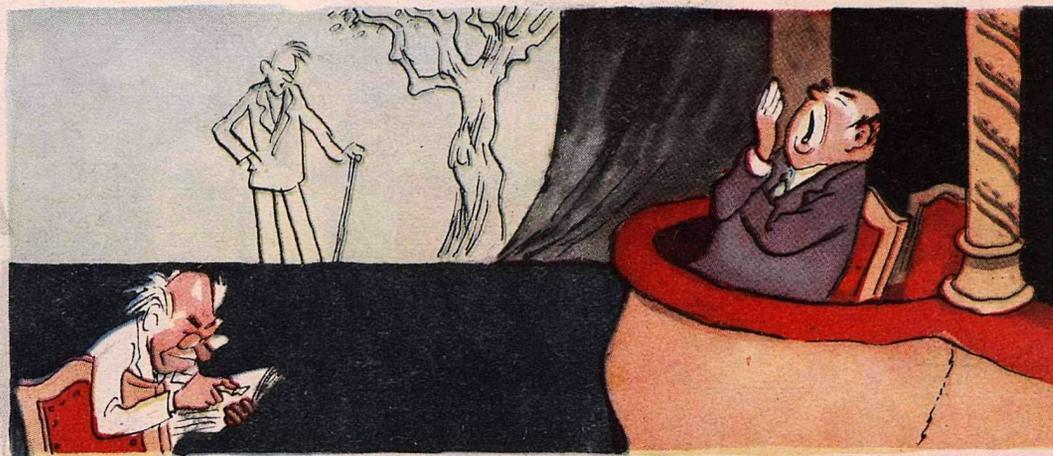
Ю. ГОЛЬДМАН

Поэт и басня

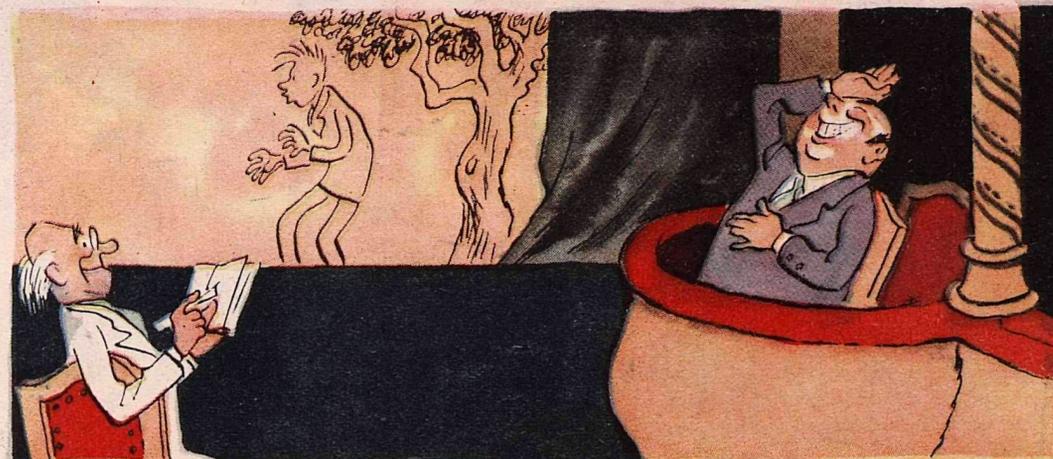
Один поэт, заметив безобразия,
Решил: «Такого факта я не упущу:
Завмага-бюрократа сразу я
В сатире беспощадной освещу!»
И бюрократа тут же на ходу
Он вывел в басне под личной Какаду.
Ту басню напечатали в газете
На видном месте...

Сев за стол,
Тот самый бюрократ жене и детям
За завтраком сатиру вслух прочёл.
— Вот автор! Жизни дал, как говорится!
Такой заметит — не смолчит.
Теперь наверняка директору зверинца
Влетит, и поделом влетит!

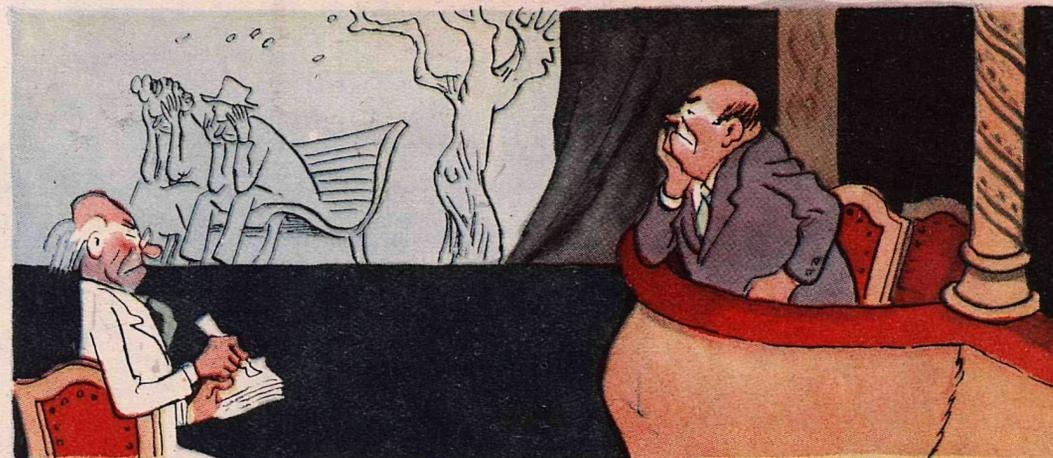
г. Чита.

— Эта пьеса скучная, слабая...

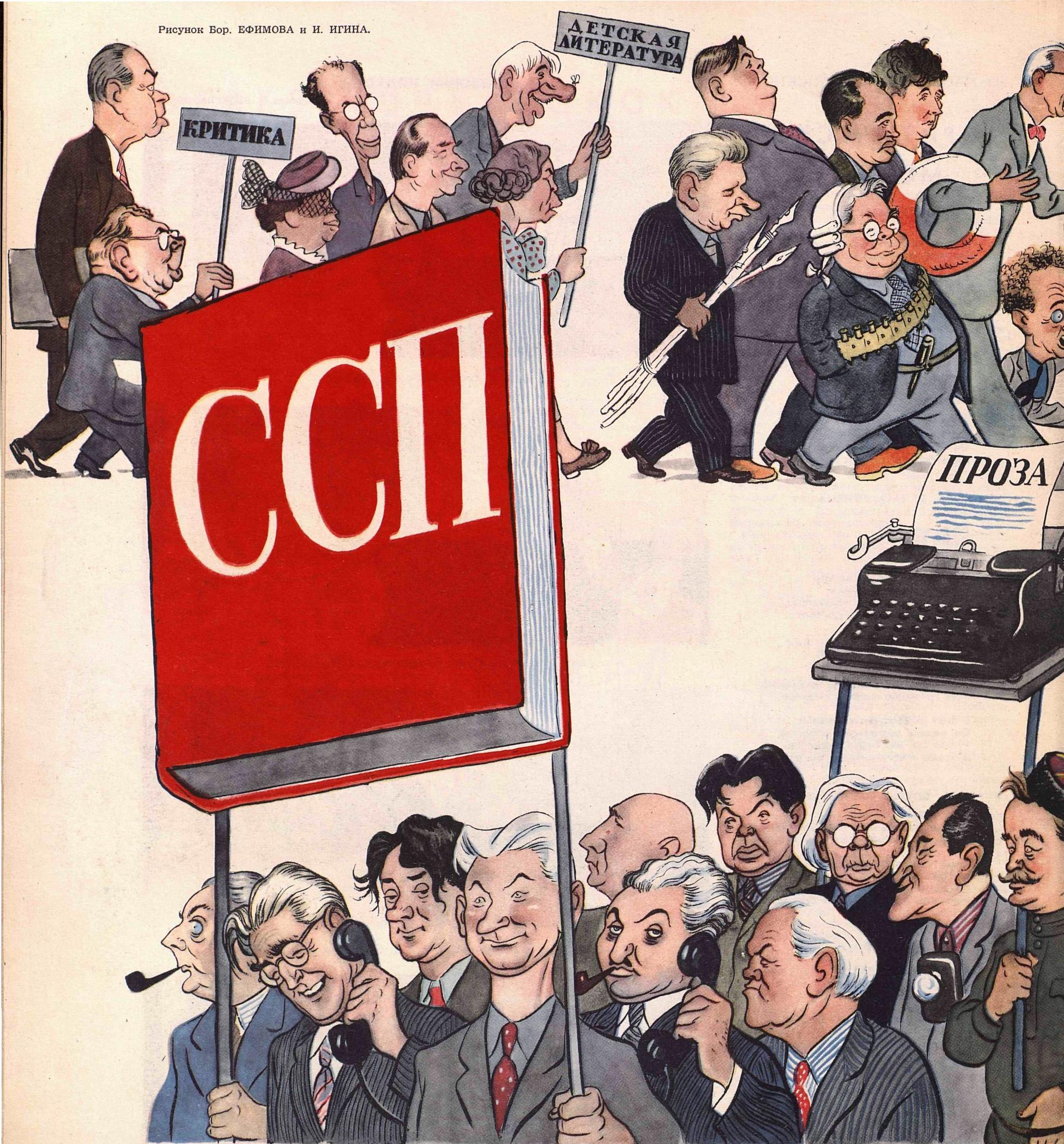
...но в ней есть какая-то свежесть, остроумие...

...тем не менее имеющиеся в ней большие недостатки...

...таковы, что, несмотря на эти недостатки, пьеса должна пользоваться большим успехом.

На этом рисунке, дорогой читатель, изображён большой пеший переход инженеров человеческих душ. Оставив письменные столы, бросив персональные машины и машинки (пишущие), писатели устремились на съезд. Наши художники изобразили их в момент движения. И это вполне закономерно, так как писатели и в творческой жизни непрерывно движутся вперёд.
В первой шеренге шествуют прозаики. Сзади неторопливо поспевают критики. Мы полагаем, что художники не без умысла так разместили их

в колонне мастеров пера. Ведь, чего греха таить, критика у нас зачастую плетётся в хвосте литературных событий!
Мы не будем перечислять фамилии всех писателей. Читатель легко узнает среди них своих любимых авторов. Вот, скажем, несут плакат Федин и Фадеев. Дают на ходу по телефону какие-то руководящие административно-хозяйственно-редакционно-творческие указания Сурнов и Симонов. Мило улыбается наш современник Полевой. Плылёт за своим кораблём Кочетов. Скачет Ажаев. Барометр Эренбурга после «Бури» поназы-

вает «Оттепель», что вызвало бурю у части критиков. На рисунке мы видим представителей наших братских литератур: Самада Вургуну, Якуба Коласа, Остапа Вишню, Аркадия Кулешова, Анастаса Венцлова, Расула Гамзатова, Максима Рыльского, Миколу Бажана, Степана Олейника и многих других. Вплотную, без ритмических пауз и художественных интервалов, за прозаиками движутся поэты. Маршак и Исаковский несут эмблему поэтического цеха: лиру с поющим на ней соловьём. Птичка поёт во весь

голос. К сожалению, не все поэты следуют её примеру, особенно в будничные дни. За поэтами следуют драматурги, уже несколько оправившиеся после открытия театрального сезона. За драматургами, вёсёлые, как дети, детские прозаики и поэты. Многие писатели, хорошие и разные, не изображены на этой странице. Право, это не их вина: на странице не хватило места. Но не беспокойся, читатель: они не останутся без места в советской литературе. Итак, движется мощная колонна... Счастливого пути, товарищи!

Он памятник себе воздвиг
И двадцать лет не пишет книг.

ПАХНЕТ ГОРИЗОНТОМ...

Это было в обеденное время. Я сидел в ресторане. Рядом со мной, за соседним столом, расположился мужчина лет сорока. Он разговаривал с шеф-поваром, то и дело заглядывая в книжку, которую держал в руках. До моего слуха донеслись слова:

— Пахнет... грилье... лезон... мармит...

Шеф-повар недоумевающе разводил руками и смущенно улыбался.

«Это, видимо, иностранец,— подумал я.— Он плохо знает русский язык, но, надо полагать, хорошо владеет французским. Хочет заказать себе обед при помощи словаря, но его никто не понимает. Законы гостеприимства обязывают меня помочь ему».

Я сотворил на лице своём международную улыбку и подошёл к соседнему столу.

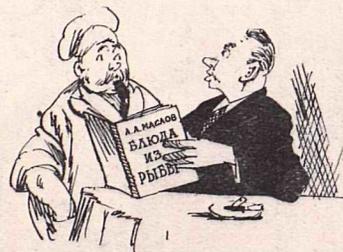
— Пardon,— произнёс я с чисто парижской галантностью,— не могу ли я, мосье, быть вам полезным?

Мосье взглянул на меня удивленно и заговорил хорошим русским языком, немножко окая, поволжски:

— Очень рад познакомиться. Садитесь, пожалуйста. Поговорим. Позвольте узнать, кто вы? Журналист? Очень рад. А я филолог. Зовут меня Матвей Николаевич. Готовлю одну новую работу, для чего собираю всяческие языковые журбёзы.

На днях случайно попалась мне изданная Госторгиздатом вот эта лежащая передо мной книжечка — Л. А. Маслов «Блюда из рыбы». Замысел хороший. Поскольку существует рыба, надо научить хозяек приготавливать рыбные блюда.

Но позвольте узнать, для кого написано это сочинение: для домохозяек Руана, Марселя и Тараскона?

Страницы книжки густо начинены изысканными кухонно-французскими словами. Почему всё это нельзя сказать по-русски, понятно, просто, чтоб поняли каждая домохозяйка, каждый молодой повар?

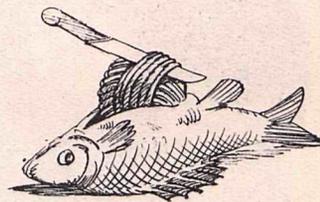
Одно из самых любимых слов автора книги — «панировать». На странице 31 «рыбу солят и панируют». Там же, через несколько строк, «куски панируют». На странице 32 рыбу «панируют», затем «окунают в лезон» и опять «панируют». На странице 34 рыбу не оставляют в покое и опять «панируют».

Но митарства рыбы этим не ограничиваются: её (а также гарнир), кроме всего прочего, подвергают ещё и пассерованию, причём делают это на многих страницах.

А что это такое? С чем это едят и вообще съедобная ли это штука, никому не известно.

Кроме того, здесь любовно разбросаны такие музыкальные сло-

вечки, как грилье и мармит. Оказывается, «горячие супы можно хранить на мармите» (стр. 65). Более того, и «рыбу хранят на мармите» (стр. 86). Хорошо, мы

согласны хранить и супы и рыбу. Но, ради бога, скажите, что такое мармит?

Дальше всем нам рекомендуются «снимать шпагат с папьега» (стр. 86). Но непонятно, как попал шпагат на папьега и как таинственный папьега попал в эту книжку? И почему издательство и редакция так «панируют» свою работу, что не помогли автору освободиться от всех вкравшихся в книгу досадных папьега и мармитов?

Не думайте, дорогой товарищ,— продолжал мой собеседник,— что я слишком придирчив. Почему же меня так завлекла эта небольшая книжечка? Потому именно, что в том или ином виде я её встречаю то там, то сям.

Многие у нас любят о непонятном говорить, чтоб свою образцованность показать. Простую вещь обволакивают таким непроницаемым словесным туманом, что простому человеку и близко не подойти.

Некоторые пытаются таким джентльменским набором слов прикрыть свою псевдоучённость. А другие вообще любят щегольнуть своей «интеллигентностью».

В одном старинном водевиле восторженный ротный писарь говорит своей барышне:

— Ах, как пахнет горизонтом! Ей-ей, от некоторых статей в журналах, от некоторых диссертаций и лекций уж очень пахнет этим писарским горизонтом.

Находятся люди, которые по простоте душевной полагают, что именно так «красиво» и надо разговаривать. Таких щёголей я называю турзучими братишками.

Что это такое? Сам не знаю. Дело в следующем: в журнал, к которому я, как филолог, имел некоторое касательство, один автор принёс рассказ. Там были такие строчки... Сейчас я вам прочитаю, слушайте:

«Он, Евмен Колупайлов, турзучий братишка, некогда в разметанные дни, тупо, как чахлый гриб, заглывал жизнь. Рожился первый путь иривым риском».

И дальше: «Евмен мотал обширкой глаз, грыз накат ошибок до одури, с нутряной болью грудил мерилом встрепанный мир»...

Сейчас с турзучими братишками в художественной литературе как будто покончено. Турзучие братишки перекочевали в другие книжки и брошюры. Проникли они, как мы видели, даже в Торгиздат, где их, должно быть, вместе с рыбой и супом бережно хранят... на мармите.

Г. РЫКЛИН

Не всегда сбываются мечты...

Хорошо шагать по белу свету,
Бережно держа свой новый труд!
Я сейчас несу стихи в газету,
Как любимой девушке несут.

В кабинет я захожу с тревогой,
Лишь надежду слабую тая...
Только сдался литсотрудник строгий —
Первая инстанция моя.

Он меня не оборвал:
«Оставьте.
Поглядим. Зайдите через год».
Он, друзья, на этот раз, представьте,
Поступил совсем наоборот.

Он читает... Он звонков не слышит...
В первый раз в глазах мечта горит.
— У меня супруга тоже пишет,—
Он, чуть-чуть краснея, говорит.

И мой труд, развязно не марая,
Он проносит бережно вперёд.
И стихи — инстанция вторая —
Зав. отделом с трепетом берёт.

Прошептал: «Как искренно!.. Как точно!..
Я поэта так благодарю!..»
Написал: «В набор»; добавил: «Срочно» —
И пошёл с листком к секретарю.

И, сдержатъ волнение не в силе,
Растолкав писателей двоих,
Он с порога закричал:
— Василий,
Ты смотри, Игнатъич, что за стих!

Грозный секретарь у нас в газете.
Но сейчас не рассердился он,
Не сказал, что места нет в макете,
Номер свёрстан, отослать в загон.

Не ворчал по поводу размера,
Трудности разметки не учёл,
Бросил он линейку строкомера
И стихи задумчиво прочёл.

Лоб ладонью он потёр упрямо,
Скрыл неловко ласковую грусть.
К зам. редактора проходит прямо
И стихи читает наизусть.

Заместитель улыбнулся сразу,
Вспомнил вдруг среди бумаг и дел,
Что кудрявый он, и сероглазый,
И ещё совсем не поседел.

Подошёл к окну. Лил дождь осенний.
Девушка мелькнула вдалеке.
И такое пронеслось волнение
От стихов, что он держал в руке...

Он с листка любовных глаз не сводит...
И, забыв проблемную статью,
В кабинет к редактору заходит
И садится тихо на скамью.

Он держался как-то необычно,
Он степенность даже потерял.
И сказал он:
— Я прошу вас, лично,
Напечатать этот матерьял.

И в ответ редактор:
— Нынче тесно,
Но придётся номер потрясти:
Раз стихам нашли мы в сердце место,—
Значит, можно в полосе найти.

И стихи в далёкий путь пустились.
Бережно их каждый в руки брал.
Машинистки даже прослезились,
А наборщик долго набирал...

Ночь прошла. А утром, на рассвете,
Впился я в газетные листы.
Только не нашёл стихов в газете...
Не всегда сбываются мечты.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

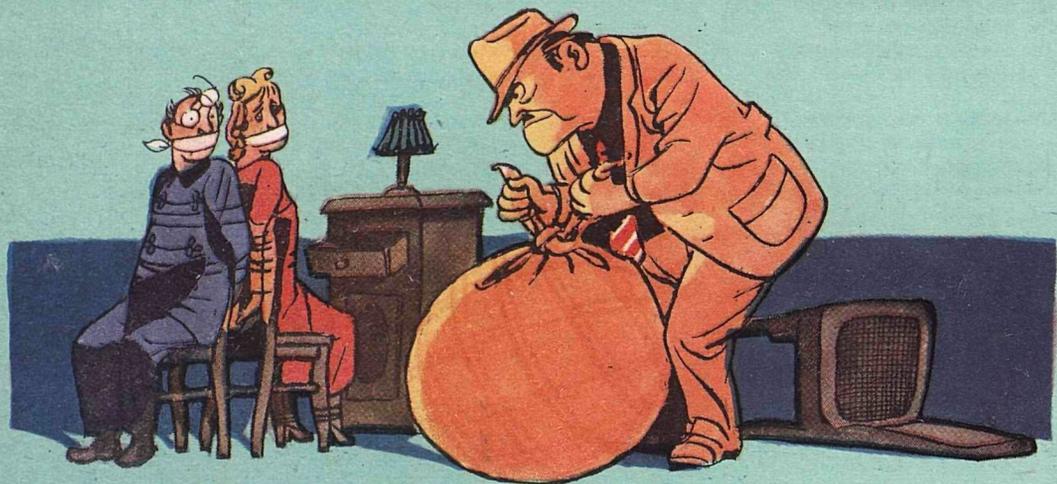

— Оказывается, здесь все со мной знакомы.

Он воровал...

грабил...

убивал...

и дошёл до ручки.

АМЕРИКАНЦЫ СМЕЮТСЯ

Перед нами две книги, изданные в Нью-Йорке в начале сороковых годов. Первая называется «2 500 шуток на все случаи жизни», вторая — «10 тысяч анекдотов, тостов и историй».

В основном это сборники перлов мешанского послеобеденного остроумия. Однако анекдоты политического характера так популярны среди миллионов простых американцев, что составители не смогли совершенно игнорировать этот вид юмора. Поэтому в сборнике можно найти и такие, например, анекдоты:

В избирательный участок вбегает запыхавшийся джентльмен:

— Простите, я ещё не опоздал проголосовать?
— Смотря, за какую партию...

* * *

— Что вы считаете причиной вашего поражения на выборах, сенатор Гламли?

— Я пал жертвой...
— Жертвой чего?
— Честного подсчёта.

* * *

В газете появился набранный большими буквами заголовок: «Половина законодательного собрания штата — воры и жулики!».

Потребовали, чтобы редактор исправил ошибку. В следующем номере газеты заголовок гласил: «Половина законодательного собрания штата — не воры и не жулики».

* * *

На улице одного провинциального городка остановился автомобиль. Из окошка высунулся водитель и крикнул прохожему:

— Эй, парень! Ты не покараулишь машину, пока я сбегаю за сигаретами?

— Сэр, — возмутился тот, — я мэр этого города!

— Ну, ничего, — сказал водитель, — у тебя довольно честное лицо.

* * *

— Надеюсь, вы не боитесь микробов? — иронически спросил кассир молодую учительницу, выдавая ей заработную плату грязными, засаленными бумажками.

— Не беспокойтесь, — парировала она. — Никакой микроб не проживёт на мой заработок.

* * *

— Сейчас мы с тобой узнаем, — сказал однажды муж своей жене, — кем будет наш Джонни, когда вырастет. Смотри!

Он положил на стол десятидолларовую бумажку (она представляла ремесло банкира), рядом он положил библию (профессия священника) и тут же поставил бутылку виски, олицетворяющую горький удел пьяницы.

Отец и мать спрятались и начали наблюдать. Джонни, весело насвистывая, вошёл и сразу же заметил, что лежит на столе. Он подозрительно оглянулся, но никого не заметил. Тогда он быстро сунул деньги в карман, библию — подмышку, схватил бутылку и вышел из комнаты, снова насвистывая.

— Боже! — ужаснулся отец. — Джонни будет политическим деятелем!

* * *

Один банкир заказал у знаменитого художника свой портрет. Законченная картина изображала его стоящим во внушительной позе, руки в карманах.

Все восхищались картиной. Но один старый фермер при виде её усмехнулся:

— Ну и портрет, нечего сказать! Совершенно не похож на оригинал: здесь же у него руки в его собственных карманах!

* * *

Секретарь миллионера:
— Сэр, в приёмной вас ожидает группа людей. Они хотели бы узнать секрет ваших финансовых успехов.

Миллионер испуганно:
— А они кто: журналисты или... или... полицейские?

* * *

Известный в городе политический деятель:
— Это ваша газета назвала меня лжецом и жуликом?

Редактор:
— Нет, что вы! Мы никогда не печатаем не свежие новости!

* * *

Оба сборника анекдотов изданы, как сказано, в то время, когда многоголовое чудовище маккартизма ещё только выпускало когти. Поэтому составители успели включить в сборники анекдоты, приведённые выше и ныне, несомненно, подлежащие запрещению в качестве «образчиков коммунистической пропаганды». Учитывая опасность, грозящую этим хотя и немногочисленным, но действительно метким и острым шуткам, больно жальшим «хозяев» Америки, мы и опубликовали некоторые из них.

В. АНДРЕЕВ

«ХОКУМ»

— Дайте избирателям «хокум»! — проповедуют знатоки и ветераны избирательных кампаний в США. — Дайте избирателям интересное зрелище, и они воспылают к вам любовью, соберутся вокруг вас и поддержат вас! Дайте народу «хокум», и народ будет в ваших руках!

Закулисные механики американской политической машины рассматривают каждую выборную кампанию как большой ярмарочный бизнес.

Известно, что избирательные аппараты республиканской и демократической партий рекламируют своих кандидатов на любые посты — от мэра до сенатора — с такой же шумихой, с какой прославляется новое средство для уничтожения мозолей и бородавок. В этих целях постановщики выборов организуют заманчивые надувательские аттракционы с активным участием кандидатов, которые в меру своих сценических данных выкидывают разнообразные трюки и балаганные номера, короче говоря, делают «хокум».

Во времена действия всеобщего «сухого закона» некий «мокрый» адвокат, республиканец Джон Филипп Хилл, завоевывал сердца избирателей Балтимора довольно примитивным трюком.

«Войдя гордой поступью в переполненный зал, — рассказывает о нём американский журналист Ф. Кент, — Хилл шёл к трибуне, на которую по его распоряжению были поставлены графин с водой и стакан. Подняв графин, он начинал наливать воду в стакан, как будто для того, чтобы утолить жажду. И вдруг драматическим жестом он выплёскивал воду в окно или швырял стакан на пол.

— Что это такое? — восклицал он. — Вода? Мы не хотим воды в этом районе. Мы хотим пива, и если вы, ребята, пошлёте в конгресс Джона Филиппа Хилла, то он доставит вам пива».

Тут он хватал американский флаг (также заготовленный заранее), музыка начинала играть национальный гимн, и толпа якобы сходила с ума от удовольствия.

В недавние времена, а именно на позапрошлых выборах, в штате Северная Дакота руководитель избирательной кампании демократов вызвал своего коллегу, республиканца, на борьбу, дабы продемонстрировать силу демократических принципов.

А в штате Массачусетс республиканский кандидат на пост губернатора Кулидж в возрасте 69 лет вызвал соперничающего кандидата Девера в возрасте 47 лет на состязание в беге, чтобы доказать, что он не слишком стар для должности губернатора.

Одновременно в штате Коннектикут один кандидат вызвал своего противника на матч бокса.

Однако самый захватывающий «хокум» был устроен совсем недавно, накануне ноябрьских выборов. Этот спектакль был организован непосредственно губернатором штата Кентукки мистером Лоуренсом Уэтерби.

С благой целью завоевания большей популярности и повторного переизбрания

Уэтерби провёл опасный бой с крокодилом прямо на глазах избирателей — обывателей Луисвилля, самого большого города штата Кентукки.

На сенсационное единоборство в Луисвилль был доставлен пойманный в реке Миссисипи молодой аллигатор длиной в рост губернатора Уэтерби.

Условия схватки были явно неравными. Губернатор вышел на площадку боя с намордником в руках для крокодила, а крокодил выполз в том первородном безоружном виде, в каком вылутился из яйца.

Конечно, уже в первом раунде мистеру Уэтерби удалось набросить на рыло аллигатора вместительный намордник. Дальше дело пошло, как по маслу. Губернатор, не мешкая, повернул крокодила на бок, а затем и опрокинул противника на все четыре лопатки.

Перевёрнутый же на спину крокодил беспомощен, как грудной ребёнок. В этом

жалком положении его можно спокойно щекотать под рёбрами или зарезать перочинным ножиком.

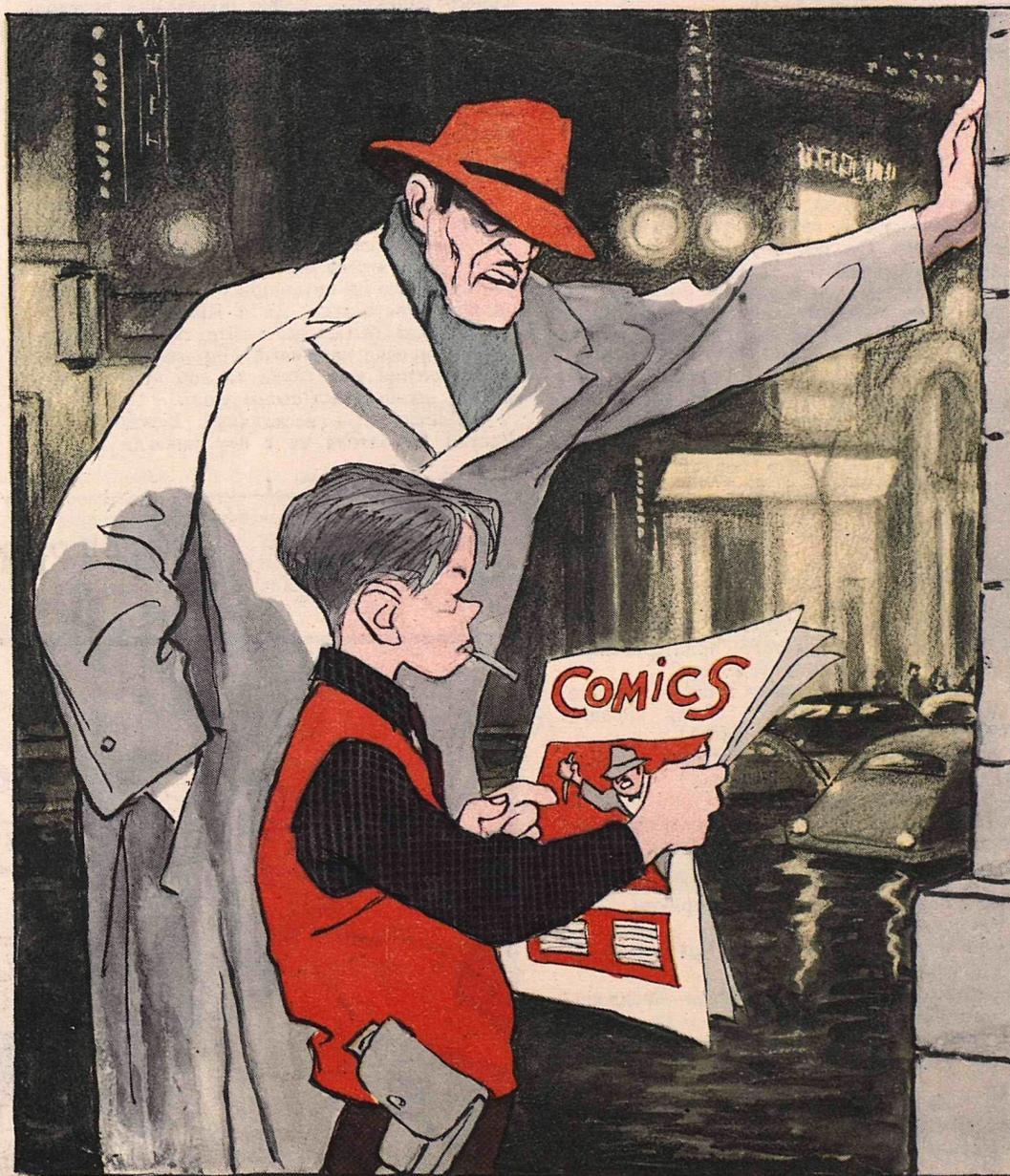
Цирковой номер кентуккийского губернатора окончился благополучно. Губернатор не укусил крокодила, хотя и был без намордника. А крокодил не проглотил губернатора, так как не мог раскрыть пасть.

Над поверженным чудовищем мистер Уэтерби торжествующе размахивал американским флагом. Обыватели аплодировали, репортёры фотографировали. Снимки появились даже в Европе; один из них опубликован в номере гамбургского журнала «Дер шпигель».

Как видим, не без оснований многие американские наблюдатели утверждают, что для полного анализа комедии заокеанских выборов, кроме обычного политического обозревателя, необходим ещё и ехидный театральный критик!

М. ПОЛИКАНОВ

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Хэлло, Джимми, как прошёл ваш вчерашний налёт на кассира?
— Как по писаному...

Александр ЯШИН

«ПОДМОСКОВНЫЙ УГОЛЁК»

Пародия на стихи С. Васильева

На поверхности земли
Что-то твёрдое нашли,
Что-то неотёсанное,
Невпопад разбросанное.
Посмотрели: глыба глыбой!
Взяли пробу на зубок:
Либо просто камень,
Либо
Подмосковный уголёк.
Камень?..
Надо шлифовать.
Уголь?..
Надо коксовать.
Испытали то и это,
Отступились — наплевать!
Так решили издавать.

Владимир ИВАНОВ

О КОМПЛЕКТНОСТИ

Коль на книгу есть жалобы,
Прилагать не мешало бы
К скучной книге
Подушку
И кровать-раскладушку!

ПЕРЕСТРОЙКА НА ХОДУ

Сказали автору:
— Плохой
Твой «положительный» герой:
О дисциплине забывает,
Грубит, нередко выпивает..
Прикинул автор: — Вот беда!
Вздыхнул. И критикам внимательным
Ответил: — Ладно уж, тогда
Его считайте отрицательным!

С. МАРШАК

Лирик

Стихи он пишет во хмелю,
Но, обуздав страстей стихию,

Он начинает: «Я люблю...»
И добавляет: «...индустрию».

Яркая творческая индивидуальность.

Не пустили

(Сценка)

Вестибюль в Доме Союза советских писателей на улице Воровского. Дверь, ведущая в конференц-зал. В мягких креслах сидят двое: рослый человек в кителе без погон и молодой человек с папкой, видимо, поэт.

Человек в кителе подходит к двери, пробует открыть; высовывается голова секретарши: «Нельзя, товарищ! Нельзя!» Дверь захлопывается, человек в кителе возвращается и садится в кресло рядом с поэтом.

ПОЭТ (наклоняясь к человеку в кителе). Ленточек-то у вас орденских!.. Девять. И «Слава» есть. Всё боевые?

ЧЕЛОВЕК В КИТЕЛЕ. Есть и трудовые: на «гражданке» получил прошлый год.

ПОЭТ. Пишете? Стихи?

ЧЕЛОВЕК В КИТЕЛЕ. Нет, работаю. Комбайнером работаю. А был танкистом. Вот премировали, приехал на выставку сельскохозяйственную.

ПОЭТ (без интереса). Ах, вот что!..

ЧЕЛОВЕК В КИТЕЛЕ (глядит на дверь). Долго они там будут?

ПОЭТ. Долго. Дискуссия о том, существует ли положительный герой. Это до ночи. А вам что?

ЧЕЛОВЕК В КИТЕЛЕ. Да вот послали. Один товарищ послал, тоже демобилизованный, однополчанин. «Иди,— говорит,— в Союз писателей, там,— говорит,— в тебе большая нужда. Я тебя по фронту и по «гражданке» знаю, ты парень хороший, вырос за два года, передовик, наша гордость, а сам не загордился

ничуть». Ну, знаете, такого наговорил, даже слушать неудобно! «Ты,— говорит,— герой нашего времени, о тебе писать надо...»

ПОЭТ. Так вы и есть положительный герой? (Показывает на дверь.) Вам туда надо! Там вас ищут! Идите!

(Человек в кителе поднимается и идёт к дверям. Пробует открыть дверь. Выбегает секретарша. Человек отступает.)

СЕКРЕТАРША. Товарищ! Я же вам сказала: идёт дискуссия! Дискуссия о положительном герое! Нельзя! Понятно? Русским языком вам говорят! (Пробегаёт главная секретарша.)

ГЛАВНАЯ СЕКРЕТАРША. Что у вас тут?

СЕКРЕТАРША. Дискуссия о том, существует ли положительный герой.

ЧЕЛОВЕК В КИТЕЛЕ. Так вот я по этому самому...

СЕКРЕТАРША. Товарищ, я же вам сказала: дискуссия! Понимаете, важное дело! Нельзя!

ГЛАВНАЯ СЕКРЕТАРША. В самом деле, товарищ, нельзя!.. (Уходит.)

(Секретарша скрывается за дверями. Человек в кителе, махнув рукой, идёт к выходу.)

ПОЭТ. Вы куда?

ЧЕЛОВЕК В КИТЕЛЕ. Не пустили!

ПОЭТ. Положительного героя не пустили на дискуссию о том, существует ли положительный герой!!

(Немая сцена. Занавес).

Л. НИКУЛИН

Юрий БЛАГОВ

ВЕЧНЫЙ СОАВТОР

Делец-соавтор не спасует
Перед любой из модных тем.
Его всегда интересует
Не «что», не «как», а только «с кем».
Грядущий критик не без грусти
Взамен упреков иль похвал
Отметит только, что в искусстве
Такой-то сосуществовал.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГЕРОЕ

Прозаик,
Остынь от дискуссий бездонных,
«С изъяснями нужен герой
Иль без оных»,
Но помни,
Задумав любой из романов,
Что сами романы
Нужны без изъяснов!

НЕПРЕЛОЖНАЯ ИСТИНА

Привыкшего к туману филлимама
Бросает в дрожь любая эпиграмма.

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Он весел, смел, везде приметен,
За яркость чувств стоит горой,
Зато до ужаса бесцветен
Его лирический герой.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

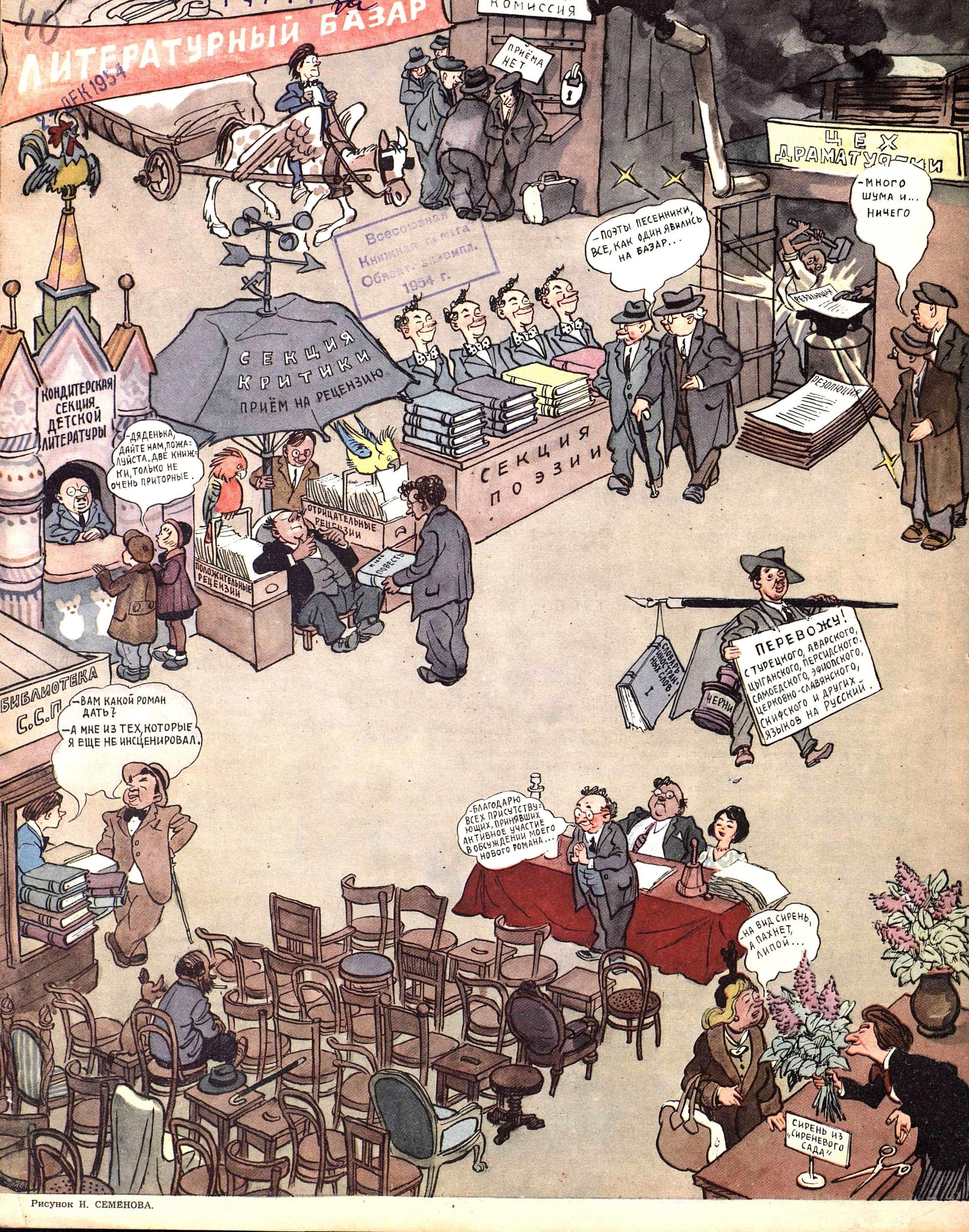
Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-31-37, Д-3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06273. Изд. № 962. Подписано к печати 19/ХІ 1954 г. Формат бум. 70×108½. Заказ № 3512. Тираж 400 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАЗАР

ЛФК 1954

КОМИССИЯ

ПРИЁМА НЕТ

ЦЕХ ДРАМАТУРГОВ

-МНОГО ШУМА И... НИЧЕГО

ПОЭТЫ ПЕСЕННИКИ, ВСЕ, КАК ОДИН ЯВЛЯЮТСЯ НА БАЗАР...

Всесоюзная Книжная ярмарка. Обязат. ярмарка. 1954 г.

СЕКЦИЯ КРИТИКИ ПРИЁМ НА РЕЦЕНЗИЮ

ДЯДЕНЬКА, ДАЙТЕ НАМ, ПОЖАЛУЙСТА, ДВЕ КНИЖКИ, ТОЛЬКО НЕ ОЧЕНЬ ПРИТОРНЫЕ...

КОНДИТЕРСКАЯ СЕКЦИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕВОЖУ! СТУРЦАНСКОГО, АВАРСКОГО, ЦЫГАНСКОГО, ПЕРСИДСКОГО, САМОЕДСКОГО, ЭФИОПСКОГО, ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО, СКИФСКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ.

СИБИРСКО-УРАЛЬСКО-КАВКАЗСКО-ПАРНО-СЛОБО

БИБЛИОТЕКА С.С.П.

ВАС КАКОЙ РОМАН ДАТЬ? - А МНЕ ИЗ ТЕХ, КОТОРЫЕ Я ЕЩЕ НЕ ИНСЦЕНИРОВАЛ...

БЛАГОДАРИЮ ВСЕХ ПРИНЯВШИХ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ МОЕГО НОВОГО РОМАНА...

НА ВИД СИРЕНЬ, А ПАХНЕТ ЛИПОЙ...

СИРЕНЬ ИЗ "СИРЕНЕВОГО САДА"